

Проблемы истории искусства

И.В. Баканова

К РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА А.С. ГОЛОВИНА: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Статья посвящена анализу ранее не известных материалов, обнаруженных автором в архивах Москвы и Праги. Эти новые данные позволяют реконструировать особенности биографии и творчества художника Александра Сергеевича Головина (а также его семьи и друзей) в контексте истории культуры русского зарубежья.

Ключевые слова: А.С. Головин, Алла Штейгер-Головина, Иржи Карасек, «Скит», русское зарубежье.

Головину Александру Сергеевичу не повезло с однофамильцем: при словах «художник Александр Головин» историки искусства тут же вспоминают знаменитый майоликовый фриз на гостинице «Метрополь» в Москве, мирискусников, Дягилевские сезоны в Париже, абрамцевский кружок, портреты Шаляпина, Мейерхольда... Но все это относится к другому Головину – Александру Яковлевичу. Именно этот знаменитый русский художник, друг Константина Коровина, упомянут во всех энциклопедических изданиях по истории искусства.

Краткие сведения о А.С. Головине в «Словаре художников русского зарубежья»¹ не полны и не во всем точны. Так, в качестве даты его рождения ошибочно приводится 28.02.1904., хотя сам художник в автобиографии указывает: «Родился 1904 г. 8 февраля (ст. стиля) в г. Одессе»². Значит, по новому стилю он родился 21 февраля 1904 г. Короткая автобиография А.С. Головина была написана им по просьбе Н.А. Еленева, который собирал сведения

для издания книги «Русское изобразительное искусство в Праге»³. Стоит привести этот автограф полностью.

Автобиография Головина Александра Сергеевича, перечень скульптур. Автограф. 20 марта 1928 г. Прага. Русский культурно-исторический музей.

Родился 1904 г. 8 февраля (ст. стиля) в г. Одессе. Отец – профессор Московского университета, Др. Медицины Сергей Селиванович Головин. Мать – рожденная Антонина Ивановна Бредилина – потомственная дворянка.

С 1914 по 1918 г. учился в Московской 7-ой гимназии, в 1918 г. в Ник[олаевской] 2-ой гимназии, потом полтора года на военной службе: сперва в 5 легк[овой] батарее 4 арт[иллерийской] бригады. Потом в 1 легк[овой] бат[арее] 34 арт[иллерийской] бригады в чине младшего фейерверкера из вольноопределяющихся вплоть до последней Крымской эвакуации.

Потом до 1922 года плавал на военном, а после на коммерческом судне матросом 1 класса. Военный транспорт «Дон». В промежутке босяковал. На шхуне иногда лепил шутки ради, но очень редко.

В 1922 году был в Болгарии, в Шумене, в гимназии. По рисункам вылепил бюст Аполлона, который, кажется, и был первой скульптурной работой (сейчас хранится в гимназии). Лепил там по почину покойного генерала Крымшаухал-Соколова, человека, обладавшего большим вкусом и замечательным чутьем.

С 1923 по 1924 год в Моравской Тшебове кончил гимназию (где занимался лепкой очень мало и без руководства).

После окончания гимназии держал экзамен в Академии из[образительных] искусств пр[офессора] Штурсы, но провалился и поступил на архит[ектурное] Отделение Полит[ехнического], где иногда, занимаясь науками и чертежами, лепил у проф[ессора] Фолькмана, где тоже очень мало было наставлений, но зато полная свобода (1924–1927). Летом 1925 года был в Париже, где главным образом и почерпал необходимые сведения. В 1926 году я лепил очень мало, осенью держал в Академию к проф[ессору] Кафке, куда и выдержал, но продержался всего полтора семестра (1927–1928) и перестал ходить. Сейчас работаю сам под личным своим руководством (для занятости: весной 1925 года держал экзамен в художественно-промышленную школу... и тоже провалился – говорят, по чисто формалистическим причинам, ибо вместо орнамента (какие-то листочки, которые я не переношу) я вылепил карикатуру, и по другим же отделам – портрет, композиция и еще что-то – прошел. По сию пору в своем ателье Snecky 12.

Далее А.С. Головин перечисляет 25 своих работ, которые привлекли внимание известного чешского коллекционера Иржи Карасека, задумавшего создать «Славянскую галерею». Головин стал одним из первых русских скульпторов, работы которых появились в собрании Карасека. Этот человек сыграл важную роль в деле поддержки русского искусства в Праге 1920–1930 гг. и достоин отдельного разговора.

В 2009 г. я приехала в Прагу, чтобы поработать в архиве ее Литературного музея. Так я узнала о состоявшейся в 2001 г. в Праге выставке «Мечта об империи красоты», посвященной собирательской деятельности Иржи Карасека. Там можно было увидеть (первые за много десятилетий) работы не только А.С. Головина, но и Александра Орлова, Николая Родионова. Куратор этой выставки Румяна Дачева любезно провела меня в хранилище Литературного музея и показала несколько работ Головина. Их выразительная пластика побудила меня заняться поисками материалов к биографии художника, о котором Иржи Карасек написал: «Даже тот, кто увидит хотя бы одну его работу, ощутит в ней львиный коготь большого таланта...»⁴

Мой путь к Александру Сергеевичу Головину начался во время работы над архивом поэта Аллы Сергеевны Головиной, урожденной баронессы фон Штейгер (1909–1987); она родилась в с. Стебелевская Николаевка Киевской губернии, а умерла в Брюсселе⁵.

Все самое главное в творчестве художника Александра Головина и поэта Аллы Штейгер-Головиной пришлось на годы их совместной жизни. Познакомились они в Моравской Тржебове, где оба в разные годы закончили гимназию: Александр – в 1924-ом, Алла – в 1928-ом. В этой же гимназии один год (1923/24) проучилась Ариадна – дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, которых здесь впервые увидели Алла и Александр. Впоследствии в Париже сложится их дружба...

Отец Аллы Штейгер – барон Сергей Эдуардович Штейгер, статский советник, каневский уездный предводитель дворянства, член IV Государственной думы. Эмигрировав из России после разгрома белого движения, он вместе с семейством сначала на два с лишним года осел в Константинополе. Там было голодно, детей пришлось отдавать в разные приюты, организованные под патронажем британцев и американцев. В 1923 г. барону удалось получить разрешение на въезд всей семьи в Чехословакию: главной его заботой было образование детей, а в это время появилась «русская акция» Масарика, согласно которой русские эмигранты

получили право бесплатно учиться в гимназиях и Карловом университете.

Александр Головин, будучи еще гимназистом, создал скульптурный портрет барона С.Э. Штейгера, который одно время был вынужден работать в той же пражской гимназии библиотекарем. Известно, что годы спустя всем посетителям библиотеки обязательно демонстрировали этот бюст, подчеркивая родственные связи скульптора и его модели. Но особенно признательны Головину были библиофилы-литераторы за то, что художник вылепил бюст пекаря из соседнего заведения: после этого пекарь всегда угощал посетителей библиотеки разной сдобой.

Второй раз после гимназии Алла и Александр встретились в Праге, где Алла поступила в Карлов университет на филологическое отделение философского факультета. А вскоре после этого в храме Св. Николая состоялось их венчание, и началась совместная жизнь супругов на съемных квартирах Праги, а потом Парижа. Эта жизнь была полна лишений, но богата на творческие дружбы, зародившиеся еще в гимназии. Большую роль сыграло объединение «Скит поэтов» (в более поздний период – «Скит»); в период 1922–1940 гг., вплоть до оккупации Праги немецкими войсками, объединением руководил известный русский профессор Альфред Людвигович Бем.

Союз двух творческих людей не может быть простым. Это в полной мере относится к союзу молоденькой поэтессы Аллы фон Штейгер и скульптора Александра Головина. Они были красивой парой: на многих фотографиях домашнего архива запечатлены изящество, тонкие черты лица прелестной молодой дамы – и ее спутник атлетического сложения. Александр был старше своей супруги на несколько лет, он много работал, чтобы обеспечить семью, брал на себя почти все хозяйственные заботы. Письма Александра к жене (хранящиеся в архиве А.С. Головиной в Музейном центре РГГУ) полны нежности и шутливой подтрунивания над ней; они передают атмосферу их скудной жизни при многих бытовых трудностях. У Аллы слабые легкие, она ждет ребенка, и супруг тщательно выписывает фразы на чешском языке, которые она должна произнести на приеме у врача (чешским она не владела, хотя свободно говорила на немецком и французском, знала английский). Из писем А.С. Головина возникает его образ – уверенного в себе, деятельного человека, любящего свою жену. Со знаками препинания он не дружит, почерк ужасный, но «Ты, Тебе» всегда пишет с большой буквы, и это тоже характеризует его чувство...

Для реконструкции биографии Александра Головина важно представить людей из его окружения. В результате моих поисков в Литературном музее Чешской Республики (Pamatník Narodního písemnictví) были обнаружены, в частности, такие письма.

25–1–1930

Дорогой барон, поздравляю тебя с минувшими праздниками и прошу прощения, что не писала так долго. Дело в том, что письма я писать не умею и, хотя очень без тебя порой скучала, все же собраться сесть за послание не смогла. Я тебя не забыла нисколько и постоянно жалею, что мы разделены такими большими расстояниями – все же у нас с тобой некоторые интересы и вкусы совпадают, что могло бы всегда поддерживать нашу дружбу. Как ты, наверно, знаешь, не позже, чем через месяц я ожидаю прибавления семейства, что меня и радует, и заставляет задумываться порой – все же легкомыслие нужно теперь откинуть совершенно. Как ни странно, ни замужество, ни материнство мне не мешают пока писать, и мои два выступления в «Ските» были очень и очень удачны. Если тебя интересуют мои стихи – пришло с удовольствием. Что ты теперь пишешь – присылай, буду рада.

Алешка Эйснер после многих бурных походов последнего года едет в Париж и издает сборник, давно пора и то, и другое, хотя и в Праге писать можно, п.ч. все же понимающих людей достаточно вполне. Печататься пока не собираюсь, хотя, возможно, что и соберусь – или в «Воле России», или еще где-либо в этом стиле. Как твоё здоровье и интимная жизнь? Правда ли, что женишься? Пиши обо всем насчет себя и спрашивай, что тебя больше интересует из нашей жизни. Отвечать буду. Спасибо за «Звенья» и сборник.

Крепко целую. Искр. любящая Алла⁶.

На оборотной стороне этого листа – письмо Александра Головина, тоже синими чернилами:

Милый Толя,

Поздравляю Вас горячо с праздником Рождества Христова и с наступающим нашим Новым годом. Давно собираюсь писать Вам. Да все дела и хлопоты. Недели 3 тому назад приезжал мой брат из Африки и на днях уехал в Париж, захватив с собой другого брата и Варю. За это время в Праге было много забавных происшествий вообще и в литературной среде – в частности, но об этом, думаю, более удачно сообщит Алла. Последнее время работал мало, все было некогда. Теперь опять начинаю трудиться. Сейчас отливаю последнюю вещь – статую

«раздавленного». Это очень сложно и тяжело, но уже самое главное сделано – остается отлить ноги и руки, которые в начале отпилили. Посылаю Вам лист из одного журнала со статьей и некоторыми фотографиями моих работ. Возможно, Вам будет интересно. На чешские праздники приезжал к нам дня на два Сережа. Он вырос и увлекается звуковым фильмом. Вашу открытку на днях получили. Спасибо за поздравления. Алла завтра устроит канители. Пока, всего хорошего. Горячо Вас приветствую.

P.S. Встречаем иногда Морковина, что-то плел о Вашей якобы несостоявшейся дуэли. Мы очень много смеялись, а ему не говорили: «Из-за женщины, имя которой он не помнит, а кончается на «и». Пока, всего хорошего. Ждем ответа. Скоро, очевидно, встретите Эйснера. Он собирается в Париж⁷.

Приведем некоторые комментарии к этим письмам.

«Барон», «Толя» – это Анатолий Сергеевич Штейгер (1907–1944), старший брат Аллы Штейгер-Головиной; он – поэт, известный по переписке с Мариной Цветаевой, адресат ее «Стихов сироте». Именно он в 1935 г. ввел Аллу и Александра Головиных в парижский литературный круг. Там супруги познакомилась с И. Буниным, А. Толстым, В. Ходасевичем, Г. Адамовичем, И. Одо-евцевой, В. Набоковым, М. Алдановым, А. Ремизовым, Н. Тэффи, Б. Поплавским, С. Прегель, А. Присмановой, Л. Зуровым, И. Кнорринг, В. Смоленским, Ю. Фельзенем, Ю. Мандельштамом и другими.

«Алешка Эйснер» – писатель Алексей Эйснер (1905–1984) дружил с Аллой и Александром с гимназических времен, а потом входил в состав «скитников» в Праге. Снова они встретились в Париже, часто общались вплоть до отъезда Эйснера в Испанию (где он воевал на стороне республиканцев)⁸.

О статуе «Раздавленного» Иржи Карасек написал следующее:

...Такой художник, как Головин, может себе позволить стилизацию, а где-то и насилие над действительностью. Я так воспринимаю такое его произведение, как «Мой друг экспроприатор», где есть и юмор, и карикатура, и наконец, сама действительность. Эта работа подводит Головина к его новейшим произведениям. Тут он создал нечто невиданное – «Раздавленного автомобилем». В этом есть и страх беды, и карикатура ужаса. Это прочувствовано, с поразительной смелостью воплощено, это одновременно захватывает и отталкивает, передает атмосферу и несчастья, и гротеск ужаса⁹.

Вадим Морковин (1906–1973) – друг юности, соученик Анатолия Штейгера по гимназии; впоследствии – член «Скита», поэт, прозаик, мемуарист; он – первый публикатор переписки Марины Цветаевой и Анны Тесковой.

Сереза – младший брат Аллы Штейгер-Головиной; он приехал погостить из Берна, куда перебрался барон фон Штейгер с женой и младшим сыном после нескольких лет жизни в Чехословакии.

Упоминание о «брате, приехавшем из Африки», требует особого пояснения. Речь идет о старшем брате художника Сергее Сергеевиче Головине, который пошел по стопам отца, став врачом-офтальмологом. В короткой справке из биографического словаря «Российское зарубежье во Франции (1919–2000)» перечислены его звания и награды, упомянута дата смерти (16 октября 1985 г.) и место захоронения – кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, Париж. Здесь же приводится послужной список С.С. Головина – действительного члена французских и европейских научных обществ, награжденного французским орденом «За национальные заслуги» и орденом Почетного легиона¹⁰.

Вспомним, что в своей «Автобиографии» Александр Головин написал об отце кратко: профессор Московского университета, доктор медицины. На самом деле он был легендой российской офтальмологии, автором многих разработок по лечению глаукомы, новаторских операций на орбите глаза, учителем академика Владимира Петровича Филатова, получившего мировую известность.

Приехав в Одессу в 1903 г., отец художника поселился в доме № 44 по Маразлиевской улице (так значится в Адрес-календаре). На той же улице в разные годы жила семья барона Сергея Эдуардовича фон Штейгера. Значит, у Александра и Аллы Головиных была общая память об этой улице, об одесских акациях и памятнике Пушкину на Николаевском бульваре, хотя в Одессе они не встретились...

А в Праге супруги Головины принимали «скитников» в съемном ателье Александра в Снечках (Snečky, 12). В то время их самыми близкими друзьями были Мария Толстая (внучка Л.Н. Толстого) и ее муж, композитор Александр Ваулин (сын П.К. Ваулина, бывшего управляющего усадьбой Абрамцево). Мария и Александр Ваулины венчались там же, где и Головины, в том же 1929 г., причем в качестве свадебного подарка Александр Головин вылепил бюст Александра Ваулина (об этом впервые упомянула в своей книге чешская исследовательница Л.Н. Белошевская¹¹).

Мария Толстая и Алла Головина были членами «Скита», а их мужья стали завсегдатаями собраний этого общества. Творческая жизнь бурлила, а вместе с нею кипели страсти: через несколько лет Толстая разведется с Ваулиным, выйдет замуж за «скитника» Владимира Мансветова, и они уедут в Америку. Александр Ваулин до конца жизни останется в Чехии, сам будет воспитывать дочь Татьяну (оставшуюся с ним при разводе родителей), потом женится вторым браком. Письма Ваулина, прочитанные мною в РГАЛИ, свидетельствуют о том, что он порывался вернуться в Россию. В его письме к А.С. Головину встречаются фамилии некоторых русских художников, оказавшихся в Париже, – Орлов, Родионов...

В 1935 г. супруги Головины тоже уехали в Париж. Их первый парижский адрес – В. Montevideo, Paris XVI. Здесь им пришлось еще тяжелее, чем в Праге: Александр брался за любую работу – чертежника и даже маляра; маленького сына Головиных Сережу забрали к себе в Берн бабушка и дедушка Штейгеры. Но короткие письма и открытки, отправленные Аллой А.Л. Бему, дышат надеждой наконец-то осуществить те творческие замыслы супругов, для которых Прага уже стала тесной.

Приведем текст ее открытки из Парижа (с видом озера и лебедем на берегу). На штампе – 23.II. 1935.

Дорогой Альфред Людвигович, еще Прагу не предаю, но в Париже – замечательно. Писать ни о чем не могу, слишком много впечатлений. Вероятно, и стихов долго не будет, но для сборника «Скит» найдется, т. к. кое-что написано в Швейцарии. Сердечный привет Скиту и всем Вашим. Пражский поэт Алла Головина¹².

Другая открытка – с интерьером парижского кафе. Пишет карандашом Александр Головин:

Привет, дорог[ой] Ал[ьфред] Люд[вигович]. (как видите, сдержал обещание сразу же), учимся летать. А. Головин.

Далее – почерк Аллы:

Видала уже разную публику. Адамович не обижен. Остальные благодарят за сборник¹³.

Черными чернилами некоторые другие автографы – неразборчиво.

Открытка Александра Головина из Берна (с памятником Бубенбергу):

Дорогой Альфред Людвигович. Наконец-то, пользуясь присутствием моих в Берне, имею возможность написать Вам, ибо жизнь в Париже столь стремительна и полна забот, что писать совсем невозможно. Много и часто вспоминаем о Вас и о Ските. А сейчас волнуемся из-за нашествия гуннов и тевтонов на Прагу. Жизнь наша здесь (т. есть) в Париже интересна и думаю, что даже и плодотворна, чего и всем вам желаем. Дай Вам Бог всего хорошего. Целуем. Ант[онине] Конст[антиновне] привет, а также всем¹⁴.

А.С. Головина в своих письмах к А.Л. Бему пишет об упомянутой «плодотворности» их жизни более конкретно:

Саша много работает и сделал две прекрасные вещи (Коррида в Осеннем Салоне и Матрос с ангелом (у Независимых), он работает с жадностью необыкновенной – в общем, жизнь наша «нищая, но великолепная», как в Париже говорят...¹⁵

...А.С. выставлял недавно статую «Влюбленные» – очень большую и, по-моему, как всегда, замечательную, приходится ему, конечно, заниматься всяческой дрянью, какой и в Праге не приходилось заниматься, но он еще ни разу о нашем приезде не пожалел, и это самое главное¹⁶.

Многую были обнаружены и другие архивные материалы, имеющие отношение к жизни и творчеству Александра и Аллы Головиных. Вместе с комментарием они будут представлены в следующем номере нашего журнала.

Примечания

¹ Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники Русского Зарубежья 1917–1939 (Биографический словарь). СПб.: Нотабене, 1999. 720 с., ил.

² РГАЛИ. Ф. 2275. Оп. 1. Ед. хр. 88.

³ Еленев Н. Русское изобразительное искусство в Праге // Русские в Праге. 1918–1928 гг. / Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928.

⁴ Эта цитата из статьи «Александр Сергеевич Головин. Иржи Карасек из Львовиц» (не установленного издания); она найдена мною в архиве А.С. Головиной, хранящемся в Музейном центре РГГУ. Перевод О. Окуневой и С. Скорвида.

- ⁵ См. об этом: *Баканова И.В.* «Вам, Марина, мы тут не судьи...»: Об архиве Аллы Головиной // А.С. Пушкин – М.И. Цветаева. Седьмая цветаяевская международная научно-тематическая конференция (9–11 окт. 1999 г.): Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2000. С. 349–358; *Баканова И.В.* Стреложенная мечта. Тема культурной памяти в поэзии Аллы Головиной // Искусство как сфера культурно-исторической памяти. Сб. ст. Отв. ред. Л.Ю. Лиманская. М.: РГГУ, 2008. С. 160–178; *Баканова И.В.* Марина Цветаева и Алла Головина: история взаимоотношений в контексте литературного творчества // Семья Цветаевых в истории и культуре России. XV Международная научно-тематическая конференция (Москва, 8–11 октября 2007 г.). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. С. 356–379.
- ⁶ См.: Pamatnik Narodnigo pisemnictvi. Pozustalost Hessen S.I. С. inv.: 148–149.
- ⁷ Там же.
- ⁸ А.В. Эйсер в 1940 г. вернулся в СССР, но вскоре был арестован и приговорен к восьми годам воркутинских лагерей, а затем – к ссылке «навечно» в Карагандинскую область. В 1956 г. Эйсер был реабилитирован и, вернувшись в Москву, продолжил писательскую деятельность. Его эпистолярное общение с Аллой Головиной возобновилось в конце 1970-х гг. Она посылала ему в подарок книги Анны Ахматовой, Николая Гумилева, Александра Блока, Осипа Мандельштама, Владислава Ходасевича; в те годы в СССР эти книги нельзя было купить – только «достать».
- ⁹ Из статьи «Александр Сергеевич Головин. Иржи Карасек из Львовиц» (перевод О. Окуновой и С. Скорвида). Статья из неустановленного издания найдена в архиве А.С. Головиной, который хранится в Музейном центре РГГУ.
- ¹⁰ Российское зарубежье во Франции (1919–2000). Биографический словарь. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. С. 367.
- ¹¹ «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н. Белошевской. Славянский институт АН Чехословацкой Республики. М.: Русский путь, 2006. 768 с., ил.
- ¹² Pamatnik Narodnigo pisemnictvi... С. 148–149.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.